

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

**Питирим Сорокин
и парадигмы глобального развития XXI века
(к 130-летию со дня рождения)**

Международная научная конференция

Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.

Сборник научных трудов

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2019

СЕКЦИЯ 3
СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ
ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ
ВЗГЛЯДОВ ПИТИРИМА СОРОКИНА

А. А. Кутузова,
аспирантка 4 курса института истории и права
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»
В. С. Русанова,
аспирантка 3 курса института истории и права
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»

П. А. Сорокин и Я. М. Захер об Октябрьской революции
1917 г. в России: общее и особенное

В данной статье авторы на основе широкого круга исторических источников предприняли попытку сравнить оценки событий 25–26 октября 1917 г. в России двух крупных учёных XX в. – Якова Михайловича Захера и Питирима Александровича Сорокина. В ходе исследования было установлено, что значительное влияние на формирование точек зрения учёных относительно вопроса революции оказали Н. И. Кареев и М. М. Ковалевский.

Месяцы революции скорее и полнее
воспитывают иногда граждан, чем десятилетия
политического застоя.

В.И. Ленин [12, с. 339]

Не так давно авторы этих строк установили факт знакомства и продолжительного общения в годы студенчества двух крупных учёных прошлого столетия – П. А. Сорокина (1889–1968) и Я. М. Захера (1893–1963) [11]. Их научное мировоззрение формировалось под влиянием знаковых учёных современности – М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева,

Н. Н. Розина. Так сложилось, что «первые шаги» самостоятельной научной деятельности и Сорокин, и Захер начали делать в беспокойное, переходное и даже переломное для Российской империи время – начало Первой мировой войны, дни революций 1917 г., Гражданская война. Собственно, эти факты жизни молодых учёных и подсадили сюжет данной статьи. И сегодня вопрос о революциях 1917 г. в России остаётся дискуссионным. Особый интерес как в среде профессиональных историков, так и среди широких масс проявляется к октябрьским событиям, их итогам и последствиям, что подтверждается данными социологических опросов. Б. И. Колоницкий отмечает: «По данным Левада-центра, 2017 г., оценивая роль Октябрьской революции в истории России, 48 % граждан, с той или иной степенью убеждённости, признали её положительной, а 31 % – отрицательной. Близкое распределение (40 % и 29 %) было зафиксировано фондом «Общественное мнение» и в октябре 2007 г. Тогда лишь 15 % опрошенных сказали, что ничего не слышали о Февральской революции. Однако больше половины тех, кто о ней слышал, не мог назвать ничего, с чем бы у них ассоциировалось это событие» [10, с. 182]. Авторы статьи разделяют точку зрения, что Октябрьская революция способствовала прогрессивному ускорению исторического процесса российского общества и всего мира. Этому её аспекту посвящены объёмные исследования отечественных и зарубежных учёных. В рамках же данной статьи авторы видят своей целью выявить общие и особенное в оценках октябрьских событий 1917 г. в России двух близких знакомых – историка Якова Михайловича Захера и социолога Питирима Александровича Сорокина.

Анализируя те или иные события, крупные учёные руководствуются не только фактами. На формирование их оценок влияют взгляды учителей по изучаемой проблематике, а также коллег и дружеского окружения. Так было и с героями данной статьи. В связи с чем сделаем небольшое отступление от основной темы и обратимся к некоторым важным фактам, относительно взглядов на революцию Н. И. Кареева и М. М. Ковалевского, как было отмечено выше, учителей Я. М. Захера и П. А. Сорокина.

Для каждого из них революция представляла собой феномен, способный кардинальным образом изменить существующую действительность. В труде «Историка. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории» Николай Иванович Кареев определил общие корни понятий «революция» и «эволюция» следующим образом: «это нечто скрытое развёртывается, раскрывается, как бы себя обнаруживает». Оба понятия он относит к категории прогресса [8, с. 157]. Таким образом, революция – это следствие имеющихся, но, возможно, в полной мере не проявившихся факторов. Как пишет В. П. Золотарев, Февральскую революцию 1917 г. профессор Кареев принял как «событие огромной важности, широко открывшее пути России в её благополучное бу-

душее». С ней он связывал, казалось бы, потерянные возможности Первой государственной думы (1906 г.). В то же время Октябрьская революция была воспринята не столь позитивно, но она не стала неожиданно – события осени 1917 года выступили в рамках логики истории, пусть не самым наилучшим, но возможным вариантом на пути преобразования русской действительности. Эту оценку Н. И. Кареев сохранил, несмотря на «разрушающие моральные удары в связи с делом «Промпартии» и «делом историков» [7, с. 16]. И если Н. И. Кареев, как Я. М. Захер, и П. А. Сорокин, был непосредственным свидетелем революционных событий 1917 г., то М. М. Ковалевский, скоропостижно скончавшийся в 1916 г., мог только их предугадать. Однако его точка зрения на революцию как явление легла в основу некоторых теоретических положений двух будущих учёных, а затем проявилась и в практической позиции. Для Максима Максимовича революция была допустимым вариантом общественного развития, но только в том случае, если иного выхода общественность уже не находила. В качестве основных причин, по мнению М. М. Ковалевского, могли выступать такие факторы, как систематические ошибки правительственных структур, значительная задержка выполнения справедливых требований народа, связанных с удовлетворением базовых потребностей или же ускорением развития событий со стороны непосредственных революционных сил [4, с. 320]. Здесь мы можем говорить о неприятии чрезмерно быстрой смены строя, морали, религии – прогресс осуществляется при наличии «медленности общественных изменений» и «сохранения порядка» [9, с. 86]. Надо добавить, что позже Питирим Сорокин повторил эти тезисы в работе «Социология революции», несколько расширив их значение.

Таким образом, и для Н. И. Кареева, и для М. М. Ковалевского революция была возможным вариантом развития исторического процесса, хотя и не предпочтительным. Мнения учителей нашли явный отклик в сознании их учеников, что авторы данной статьи и попытаются продемонстрировать дальше. Для наиболее полного понимания взглядов Питирима Сорокина и Якова Захера сделаем краткий экскурс относительно их деятельности в 1917 г.

К концу 1916 г. Питирим Сорокин уже имел определённый научный багаж. Им был подготовлен объёмный труд «Преступление и кара. Подвиг и награда», планировавшийся к предоставлению на защиту в качестве магистерской диссертации, которая должна была состояться в марте 1917 г. За годы обучения в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете будущий учёный активно участвовал в научной жизни высшей школы: составлял рецензии, готовил доклады для участия в конференциях, писал научные статьи. Выдержал магистерский экзамен и в начале 1917 г. получил звание приват-доцента. Не исключено, что он вёл лекционные курсы, касающиеся как социологических, так и юридических проблем. Наблюдая смену настроений в обществе, оче-

стечение народа по отношению к правящему монарху, П. А. Сорокин, как и большая часть российской интеллигенции, предполагал неминуемость революции, свержение самодержавия и смены формы правления в стране. Как член политической партии (Сорокин состоял в партии социалистов-революционеров с 1906 г.), он интересовался политико-экономическими процессами, происходившими в России в канун Февральской революции, и принимал активное участие в партийной жизни. Был лично знаком с лидерами эсеров – Е. К. Брешко-Брешковской, А. А. Аргуновым, В. М. Черновым, А. Ф. Керенским (вступил в партию в начале 1917 г.) и многими другими. Февральско-мартовские события Питирим Александрович принял радостно, восторженно. С этого времени он буквально ушёл с головой в политику. В марте 1917 г. (защита диссертации не состоялась в связи с революционными событиями) Сорокин был избран одним из пяти членов вновь образованного печатного органа партии эсеров – газеты «Дело народа». Однако его взгляды на послереволюционный путь России расходились с другими членами редколлегии, что послужило причиной скорого выхода из её состава и разрыва творческих отношений с газетой. В общей сложности Сорокин проработал в «Деле народа» 25 дней – с 15 марта по 8 апреля 1917 г. В скором времени при его участии начала выходить ещё одна эсеровская газета – «Воля народа», ставшая оплотом правого крыла социалистов-революционеров. В «Воле народа» П. А. Сорокин заведовал библиографическим отделом [18] и активно публиковался. Большинство статей выходило под заголовком «Заметки социолога». Эти заметки становятся важным историческим источником, знакомящим современного историка с видением социолога октябрьских событий, его первыми оценками и прогнозами. Так как же оценивал Сорокин Октябрьскую революцию?

Однозначно, известие о взятии власти большевиками 25 октября социолог воспринял враждебно и с опаской. Выход эмоциям он даёт в передовой статье газеты «Воля народа» под заголовком «Совершенно великое преступление». Октябрьскую революцию социолог характеризует как *coup d'état*¹, а действующих лиц революции – «узурпированной кучкой лиц и тёмными массами» [16, с. 175]. Большевиков Питирим Александрович недооценил. Он полагал, что в скором времени новая сила отнимет у них власть, в связи с чем писал: «...через неделю, через две, когда эти наивно поверившие в посулы большевиков массы увидят, что они обмануты, – они так же сбросят большевиков, как сбросили Временное правительство» [16, с. 173]. Всё же Сорокиным справедливо было замечено, что не все слои общества выступят с поддержкой новой власти, «проснуться» и так называемые контрреволюционные силы, и междоусобной вражды будет не избежать. Подтверждение этому умозаключению мы находим в следующих строках его газетной заметки: «Пе-

¹ Перевод с франц. – государственный переворот

троград – не Россия, и армия фронта – не гарнизон Петрограда. Весьма вероятен теперь же конфликт между Россией и Петроградом, тылом и фронтом. Прологом его может быть только одно – падение большевистской власти. Будет ли это падение бескровным или оно будет сопровождаться губительной междоусобицей – все равно оно неизбежно» [16, с. 174]. Чётко и открыто Пигирим Сорокин обозначил свою позицию в отношении революции в газетной статье «Осанна! Победителям!», которая выразилась в следующих словах: «Мы, старые революционеры, переходим в лагерь контрреволюционеров и называем новый переворот не революцией, а великим преступлением, новую власть – не революционной властью, а преступниками, их сторонников – хамами революции, их порядки – диктатурой отбросов революции, их свободу – худшим видом рабства, бесконечно более худшим, чем рабство старого порядка...» [16, с. 191]. Понятно, с Октябрьской революцией рухнули его политические чаяния, он теряет должность секретаря премьер-министра правительства, опасается, что не состоятся выборы в Учредительное собрание и в целом этот орган власти будет упразднён. На протяжении ноября-декабря 1917 г. то и дело на страницах «Воли народа» выходят обличающие новую власть статьи. Однако оценки его меняются к концу 1918 г.

Перед нами чрезвычайно важный и интересный документ – письмо Сорокина Ленину, написанное в декабре 1918 г. Основываясь на нём, можно говорить, что после изматывающего года антибольшевистской деятельности взгляд П. А. Сорокина на Октябрьскую революцию смягчается. В письме читаем следующие строки, адресованные Ленину: «Вы не ошиблись и правильно поняли и моё письмо, и мою эволюцию от «враждебности к советской власти – к нейтралитету». За это время позиция нейтралитета сменилась если не прямым сочувствием коммунизму, то, по крайней мере, вполне «благожелательным нейтралитетом» [3]. Однако в последующих сочинениях учёного сложно найти подтверждение его нейтрального отношения к советской власти и большевикам. Сорокин осознал, что имеет расхождение во взглядах на социалистическое развитие страны с правящими кругами, и в конечном счете использовал возможность уехать за границу. Он покинул Россию 23 сентября 1922 г., но тема революции на долгие годы заняла центральное место в кругу его научных интересов. В первые же дни эмиграции он возвращается к ней в попытках научного осмысления.

После приезда Сорокина в Чехословакию выходит его небольшой очерк «Современное состояние России», в котором впервые автор предпринимает попытку комплексного анализа свершившейся в России драмы. В работе он отмечает: «Все крупные общественные движения начинаются и идут под знаменем великих лозунгов: «царства Божия на земле», «Бога и веры», «братства, равенства и свободы», «водворения справедливости», «прогресса», демократии» и т. д. ... Но вместе с тем ни одно из этих движений никогда не осуществляло в сколько-нибудь се-

рьёзном масштабе выставленных идеалов» [17]. В попытках найти подтверждение высказанного тезиса по отношению Октябрьской революции социолог пишет: «Все мы помним великие лозунги февральской и октябрьской революций: «освобождение от деспотизма самодержавия», «самоуправление народа» и «автономия лиц и групп», «полная демократия», «самоопределение народов», «мир, хлеб и свобода», «низвержение капитализма», «полное равенство», «раскрепощение трудящихся классов», «власть рабочих и крестьян», «диктатура пролетариата», «коммунизм», «Интернационал», «мировая революция» и т. д. ... Казалось, что великий час пробил, вечно жданное наступает, мир обновляется и «синяя птица» всех этих ценностей в руках... Достаточно было двух-трёх лет, чтобы слепцы из слепцов и глухие из глухих убедились в своих прекрасных иллюзиях. Они растаяли как дым. Вместо «синей птицы» в руках оказалась та же ворона, только обстриженная и искалеченная... История ещё раз обманула верующих иллюзионистов» [17]. П. А. Сорокин непреклонен в мысли о том, что Октябрьская революция не дала народу того, в чем он нуждался. Непростительная ошибка социолога такого уровня, каким считался (и считается) П. А. Сорокин.

Чем же стали события 1917 года для Якова Михайловича Захера? К тому времени прошло уже три года с момента окончания им университета. Несмотря на то что университет был окончен с блестящими результатами («диплом первой степени со всеми правами и преимуществами» [13], что приравнивалось к защите кандидатского выпускного сочинения), карьерных перспектив у Захера не было: ужесточение положения представителей национальных меньшинств, в том числе и иудейского вероисповедания, предопределило незначительную и незаметную должность делопроизводителя в обществе «Юридическое товарищество Петрограда» [7, с. 335].

Но не только положение после окончания высшего учебного заведения предопределили его отношение к совсем уже недалёким событиям. В неизданной тетради стихов, которую он вёл, судя по датам в ней, на протяжении 1912–1913 гг., часть стихотворений проникнута ожиданием чего-то значительного, признанием необходимости перемен. Ярким примером становится написанное 2 ноября 1912 г.:

*«Два пути открыты – или уйти от жизни,
От её страданий и её страстей,
Или – жизнь, свободу, все отдать отчизне,
Все отдать за братьев, страждущих людей» [5].*

Уже тогда Захер осознает необходимость выбора в самом ближайшем будущем, который определит все дальнейшую жизнь. И годы обучения в университете на юридическом факультете только укрепили его в этой точке зрения. Его активное участие в многочисленных проектах, научных обществах и кружках подвели будущего учёного к осо-

знанию важности достижения справедливости в обществе, сконцентрированное тогда на понятии смертной казни. Вот как характеризует Захера того времени его ученик, профессор А. В. Гордон: «уже первый научный опыт будущего историка «бешеных» был проникнут пафосом социальной справедливости в единстве с гуманистическими идеалами» [2]. В личном архиве учёного сохранилось выпускное сочинение Я. М. Захера «Смертная казнь в современных государствах». Его автор открыто и чётко выражал свою гражданскую позицию. В качестве подтверждения приведём выдержки из документа: «Русское и иностранное общество, кроме тех элементов его, которые ищут не общего благосостояния, а своей эгоистичной, личной пользы, которые на трупах жертв палачей хотят себе выстроить пышные хоромы и благоденствовать в них, – всё общество объединилось единым лозунгом «Долой смертную казнь» [2]. Что же мы видим в дальнейшем? У нас нет документов, в которых бы была словесная информация о том, как Захер отнёсся к Октябрьской революции 1917 г. в России. Но зато мы располагаем достоверными сведениями о его поступках задолго до этого события в мире всемирно-исторического события. И здесь нельзя не вспомнить – «Да воздастся каждому по делам его» (Евангелие от Матфея, (гл. 16 стр. 27). Согласно имеющимся отрывочным данным, Яков Захер вступил в РСДРП (б) ещё до VI съезда партии, состоявшегося 26 июля – 3 августа 1917 года в Петрограде. В это время же он отходит от работы делопроизводителем и стремится принять участие в изменении общественного строя и улучшении жизни простых людей. И в первую очередь это связано с образованием. События 1917 года раскрыли потребность народа в просвещении, приобщении к культуре, создания своего собственного культурного достояния. Обратимся к словам американского журналиста, свидетеля Октябрьской революции Джона Рида: «Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. И все это были не сказки, не фальсифицированная история, не разбавленная водой религия, не дешевая, разлагающая макулатура, а общественные и экономические теории, философии, произведения Толстого, Гоголя и Горького» [15 с. 50].

В тот период часть интеллигенции покидала страну и необходимы были новые учителя для школ, преподаватели в высших и средних специальных учебных заведениях. 15 ноября 1917 года в обращении А. В. Луначарского «Ко всем учащимся» прозвучал призыв и своего рода упрёк в адрес оставшейся интеллигенции: «Неужели вы могли отдавать труд, мысли, жизнь за народ, но только пока вы могли опекать его, и ничего, кроме злобных софизмов, не нашли для пролетариата в страшный час его рискованного и вынужденного первого в России восстания и похода к власти?... Идите к нему на помощь. Он полон сил, но окружен бедою... Позор тем, кто покидает его» [1, с. 73]. Эти слова не канули в Лету. Захер стал учителем.

Спустя всего три месяца он был призван в Красную армию, там заметили его порыв и искреннее желание учить и учиться. Это рвение было вознаграждено. Сперва агитационно-пропагандистские курсы в Петрограде, затем Коммунистический университет им. тов. Зиновьева, Высшая военно-политическая школа им. тов. Толмачева и Высшая военно-педагогическая школа. Молодой лектор был замечен и получил шанс поступить на историко-филологический факультет Петроградского университета, что раньше было для него недостижимо [14]. Именно отсюда начинается путь будущего выдающегося историка и исследователя Великой французской революции.

Октябрьская революция 1917 г. стала для него возможностью найти себя и найти свою сферу научных изысканий. Несмотря на все преграды и лишения, которые Я. М. Захеру выпало перенести на своем жизненном пути, он смог пронести в себе понимание значимости событий начала века для всей страны, науки и каждого человека в отдельности.

В понимании же революционных событий, как уже было отмечено, и Захер, и Сорокин демонстрируют значительное влияние своих учителей. Здесь хотелось бы напомнить, что целью исследования авторы статьи ставили выявление общих черт и различий в оценках Октябрьской революции Я. М. Захера и П. А. Сорокина. Однако в ходе работы было установлено отсутствие схожести мнений двух учёных по заявленному вопросу. Несмотря на то что и Я. М. Захер, и П. А. Сорокин считали революцию в России неизбежной, и для обоих этим событием стал Февраль 1917 г. Всё что происходило в дальнейшем ими оценивалось различно, включая Октябрьскую социалистическую революцию.

С точки зрения научных изысканий в многочисленных трудах Яков Михайлович Захер продемонстрировал понимание революционных событий октября 1917 г. как необходимой исторической логики, которая была обусловлена рядом факторов. Это прогресс, о котором говорили и Кареев, и Ковалевский. Захер находит параллели между событиями во Франции 1789–1794 гг., которые оцениваются как смена исторических эпох, идущих по восходящей линии развития государства и общества и тем, что происходило в России в 1917 г.

Что касается Питирима Александровича Сорокина, то он также разделяет точку зрения Захера о прогрессивности революции. Однако это свойство Сорокин связывал с Февральской революцией, поэтому, в отличие от Я. М. Захера, Октябрьская революция не была им принята.

1. А. В. Луначарский о народном образовании. Статьи и речи за период 1917–1929 гг. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 559 с.

Гордон А. В. Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2014. Т. 5. Вып. 9 (32)

[Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840000855-9-1> (дата обращения: 10.05.2019).

2. Григорьев Е. Письма товарищу Ленину // Историк, 2015 [Электронная версия]. URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--plai/journal/%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%B0-%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%89%D1%83-%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D1%83-%D0%BF%D0%BE-%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BC/> (дата обращения: 25.05.2019).

3. Дронина А. Д. Русский социолог М. М. Ковалевский о роли революций в обществе // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (г. Москва, г. Ульяновск, 16–18 марта 2017 г.) : в 2 т. / сост. И. Н. Райкова; отв. ред. В. В. Кириллов. М.: Книгодел, МГПУ, 2017. Т. 2. 344 с.

4. Захер Я. Сказка жизни. 1913. 64 с. // Личный архив Григория Соломинского.

5. Золотарев В. П. Яков Михайлович Захер (1893–1963 гг.) // Портреты историков. Время и судьбы : в 2 т. Т.2. Всеобщая история / Акад. исслед. культуры; отв. ред. Г. Н. Севастьянов и др. М.: Унив. кн.; Иерусалим: Gesharim, 2000. 463 с.

6. Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992. 32 с.

7. Кареев Н. И. Историка. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. 327 с.

8. Ковалевский М. М. Современные социологи. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1905. 413 с.

9. Колоницкий Б. И. Юбилейный год и историки революции // Российская история. 2018. №1. С. 181–187.

10. Кутузова А. А., Русанова В. С. Питирим Александрович Сорокин и Яков Михайлович Захер: университетские годы жизни // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 160. Кн. 3. С. 772–785.

11. Ленин В. И. Революционная армия и революционное правительство // Пролетарий. № 7. 10 июля (27 июня) 1905 г. // В. И. Ленин, ПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 10. 578 с.

12. Личное дело студента Я. М. Захера. Студенческий отдел Петроградского университета (1918–1919 уч. год) на 45 листах / УГАОР. Ф7240 (ЛГУ). Оп. 2. Д. 1340. Л. 2.

13. Личное дело студента Я. М. Захера. Студенческий отдел Петроградского университета (1918–1919 уч. год) на 45 листах / УГАОР. Ф7240 (ЛГУ). Оп. 2. Д. 1340. Л. 1.

14. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир // Неизвестная революция : сборник произведений Джона Рида / сост. и предисловия Н. Старикова. СПб.: Издательский дом «Питер», 2014. 368 с.

15. Сорокин П. А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 300 с.

Сорокин П. А. Современное состояние России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pitirim.org/index.php/publications-pitirim-sorokin/from-pitirm-sorokin/161-current-state-of-russia> (дата обращения: 1.07.2019).

16. ЦГИА СПб. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 37. Л. 72.